

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИЯ МОДЫ"

БЭЛЛА
ШАПИРО

ДЕНИС
ЛЯПИН

РОССИЯ В ШУБЕ

РУССКИЙ МЕХ:
ИСТОРИЯ,
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
И КУЛЬТУРНЫЙ
СТАТУС

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Библиотека журнала «Теория моды»

Денис Ляпин

**Россия в шубе. Русский мех.
История, национальная
идентичность и культурный статус**

«НЛО»

2023

УДК 930.85(47+57)
ББК 63.3(2)-7

Ляпин Д. А.

Россия в шубе. Русский мех. История, национальная
идентичность и культурный статус / Д. А. Ляпин — «НЛО»,
2023 — (Библиотека журнала «Теория моды»)

ISBN 978-5-4448-2138-1

Более чем тысячелетняя традиция употребления меха – одна из важнейших мифологем русской материальной культуры. Любовь к меховой одежде одинаково часто упоминается как в зарубежных, так и в отечественных источниках, осмысляющих специфику национальной моды. Книга Бэллы Шапиро и Дениса Ляпина – одно из первых масштабных исследований, призванное проследить, как формировалась и менялась эта традиция от Древней Руси до современности. Авторы рассматривают мех как многоуровневый гипертекст и рассказывают историю не фасонов и силуэтов, а идей, сопровождающих судьбу русского меха, – политических, социально-экономических и научных. Бэлла Шапиро – доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Школы-студии МХАТ. Денис Ляпин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия ЕГУ им. И.А. Бунина.

УДК 930.85(47+57)
ББК 63.3(2)-7

ISBN 978-5-4448-2138-1

© Ляпин Д. А., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Бэлла Шапиро, Денис Ляпин
Россия в шубе. Русский мех.
История, национальная
идентичность и культурный статус

Предисловие

Мех как русская мифологема

Бескрайние просторы, суровая зима и, конечно же, шуба... Арсенал стереотипов о России невозможно представить без одежды из меха, которая как будто служит идеальным материальным воплощением русской идентичности. Так ли это? Как складывалась мифологема о тесной связи русской материальной культуры и традиций употребления меха? Какую роль играет мех в истории русской моды и каковы перспективы его использования? Эти и другие вопросы обсуждаются на страницах предлагаемой читателю книги.

О том, что на Руси все ходят в мехах, культурная Ойкумена знала со времен первых контактов с русскими. Любовь русских к меховой одежде стала общим местом рассуждений о специфике русской моды на протяжении всей ее истории.

Для внешних наблюдателей русская мода состояла из малообъяснимых и потому волнующих противоречий: здесь «...дамы в мантии из соболей огромной ценности... Бок о бок к ним толпа крестьян в долгополых овчинных тулупах... Я признаюсь, что Невский проспект – одна из самых интересных улиц, где я бродил когда-либо», – такой увидел русскую столицу специальный корреспондент газеты *The Daily Telegraph*, побывавший на бракосочетании одного из цесаревичей. «Санкт-Петербург, эта странная столица», – продолжал он, описывая его как город контрастов, где крайности сосуществуют, смешиваясь и соприкасаясь¹.

Мифологема русского меха стала общим местом романтизированного «сказания о России», где баснословная стоимость обсуждаемой вещи как объекта желания не препятствовала мечте, а, наоборот, подстегивала воображение, «намагниченное чужим интересом, завистью и ревностью»². Именно на этой характерной особенности статусного потребления основан затейливый сюжет «Русских соболей» О. Генри, где главный герой, обитатель одного из самых неприглядных кварталов Манхэттена, обладая якобы «русскими» соболями, жаждет роста собственной социальной значимости, пользуясь тем, что его ближайшему окружению «...еще никогда не доводилось видеть подлинных русских соболей (но они, безусловно, о них слышали! – *Б. Ш., Д. Л.*). Весть о них облетела квартал, и все окна и двери мгновенно обросли гроздьями голов... По улицам разносились восторженные „ахи“ и „охи“, и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, неуклонно росла»³.

Хорошо известно, что любое одеяние человека является своеобразной витриной – системой знаков, средством коммуникации. Сугубо функционального прочтения этого языка, конечно же, недостаточно для его понимания.

«Меховой язык» особенно интересен для исследователя, поскольку мех представляет собой часть костюма – одной из древнейших символических систем, выраженных в материальной культуре⁴. Одежда из меха (меховой шкуры) – самая древняя и самая традиционная из единственно возможной (конечно же, в досинтетическую эру) для изготовления одежды триады «мех/кожа – войлок – текстиль»⁵.

¹ Dacey E. A Month in Russia During the Marriage of the Czarevitch. London, 1867. P. 20–21.

² Корнев В. В. Философия повседневных вещей. М., 2011. С. 19.

³ Генри О. Русские соболя // Генри О. Трест, который лопнул: Рассказы. СПб., 2003. С. 35–43.

⁴ Шапиро Б. Л. «Россия в шубе». Русский мех как культурный код: постановка проблемы // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 2 (31). С. 141–146.

⁵ Орфинская О. В. Три источника, или К вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара, 9–10 ноября 2012 г. М.; СПб., 2012. С. 77.

Обрабатывать меховую шкуру человек научился намного раньше, чем прясть и ткать. Можно предполагать, что сознательное использование меховой шкуры было известно уже в раннеашельской культуре (ранний палеолит). Более достоверные сведения относятся к времени позднего мустье (средний палеолит) и верхнему палеолиту, когда живший в условиях ледникового климата *Homo neanderthalensis* утеплял (завесами – ветровыми заслонами) и украшал себя, свое жилище и своих богов⁶ (ритуально-магическое «оживление» образа) меховыми шкурами⁷. Именно ритуал оказался чревом, из которого вышло неисчислимое множество форм и феноменов культуры («культура родилась из культа; истоки ее сакральны»⁸).

Главнейшим видом охоты в это время был промысел крупных млекопитающих (мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, бизона, зубра, дикой лошади, кулана, северного оленя и других⁹) с достаточно толстой, трудной для выделки кожаной тканью и густым косматым мехом. Такие шкуры использовались в несшитом виде: их просто оборачивали вокруг тела или набрасывали на плечи, на голову. Вероятно, уже тогда пушной промысел (в узкопрофессиональном смысле пушнинаой называют шкуры диких зверей, добытых охотничьим промыслом или специальным разведением; мехом – шкуры сельскохозяйственных и домашних животных. В более широком, обывательском смысле – и в этой книге тоже – понятие «мех» чаще всего не несет этого смысла, сближаясь с понятием «пушнина») начал отделяться от промысла пищи: очевидно, что на леопарда, пещерного льва, барса, волка, лисицу, росомуху, песца охотились не для получения мяса¹⁰.

Технологические достижения мустьерской культуры были адаптированы и развиты культурой ориньяк, когда наступил максимум последней волны сильного похолодания и климат стал близок к современному арктическому¹¹. Суровые условия оледенения потребовали высокой степени приспособления к ним и интенсивного усложнения материальной культуры. Со временем роль доминирующих объектов охоты получили представленные массово средние и мелкие животные (лисы, песцы, зайцы, волки) с более податливой для обработки кожей. Сначала несшитые, а затем и сшитые в штаны и туники шкуры плотно фиксировались на теле с помощью импровизированной перевязи или пояса, сберегая тепло. Простейшая шитая меховая одежда известна не позднее 20 тысяч лет до н. э. В эпоху неолита появляется пушная охота на соболя и бобра, которая будет развита в специализированный промысел в эпоху бронзы¹².

Очевидно, что уже в то далекое время оформились, пусть только в основных чертах, три основных направления бытования меха и меховой одежды. Первое, самое очевидное – как практическое приспособление к природным условиям, для защиты от непогоды, благодаря

⁶ «По меньшей мере ко времени 110 тыс. лет до н. э. у неандертальцев уже существовала вера в некое божество, способное охранить жизнь... преимущественно в Великую мать, владычицу жизни и смерти. Вместе с тем, в частности, амулеты из одиночных зубов животных, как представляется, соотносились с культом бога-отца – владыки здоровья и благополучия (заступничества которого также помогали)». См.: Зильберман М. И. Некоторые культовые представления эпохи палеолита // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 2. С. 53.

⁷ Зильберман М. И. Некоторые культовые представления эпохи палеолита. С. 68.

⁸ Бердяев Н. А. О культуре // Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2012. С. 270.

⁹ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 21. Промысловая фауна была представлена несколькими десятками видов млекопитающих.

¹⁰ Ермолова Н. М. Охотничья деятельность человека // КСИА. Вып. 181. Каменный век. М., 1985. С. 10; Любин В. П., Барышников Г. Ф. Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // КСИА. С. 6; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 40. Наиболее яркой иллюстрацией может служить погрудная реконструкция шикарной лисьей «шубы» возрастом более 44 тысяч лет, украшенной орлиными когтями – части костюма неандертальца эпохи позднего мустье из Гротта-ди-Фумане на севере Италии, одного из крупнейших палеолитических памятников Европы. Это работа палеонтолога миланского Музея естественной истории Фабио Фогльяцца. См.: Renesto S. Fabio Fogliazza, un artista al Museo. 07.03.2019 [Электронный ресурс]. www.nikonland.it/index.php?blogs/entry/369-reportage-fabio-fogliazza-un-artista-al-museo/ (дата обращения 10.02.2022).

¹¹ Лазуков Г. И. Взаимоотношения географической среды и палеолитического человека // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 17–24.

¹² Ермолова Н. М. Охотничья деятельность человека. С. 10.

носкости меха и его теплозащитным свойствам. Но климат не был тем единственным и исключительным фактором, благодаря которому культура ношения меха сформировалась в том виде, в каком мы ее знаем. История знает многочисленные примеры бытования меховой одежды в случаях, которые никак не могут быть объяснены климатической необходимостью. В этом случае мех выступает либо как часть сакрального мира (например, магическая, а не практическая защита хозяина) либо как атрибут роскоши и успеха, когда более важны не утилитарные, а эстетические качества меха, его блеск и густота, мягкость, неповторимая и разнообразная фактура, уникальные тактильные ощущения, которые дает его осязание. А главное – его труднодоступность и дороговизна.

Тысячи лет мех служил людям, но эти основные моменты неизменно сохранялись, переходя в область традиции. Наблюдая динамику «меховой традиции» в максимально длительной исторической перспективе, можно сказать, что ее становление было связано не только с разнообразием первоначального сырья (известная древнейшая базовая выкройка наплечной одежды предназначалась для кроя из шкуры медведя¹³), но и с технологическим уровнем развития общества: вместе с ним развивалась и технология обработки меховой шкуры и изготовления одежды из меха. В XII – XIV веках появляется меховая одежда, более или менее точно повторяющая контуры человеческого тела. К этому же времени относятся первые известные нам сегодня русские шубы – Ивана Калиты (1328) и Кирилла Белозерского (1380–1390-е). Уникальные условия России – холодный климат на большей ее части и богатейшие ресурсы животного мира – способствовали формированию огромного и емкого рынка самых разнообразных меховых товаров. Но главной героиней русской истории меха, безусловно, нужно назвать шубу как культурный феномен – явление, которое уже давно не вписывается в отведенные для «просто одежды» рамки.

Особый культурный статус получила золотная шуба, собравшая воедино «мягкое золото» (то есть собственно мех), золотные ткани (атлас, бархат, тафта и камка, аксамит) и золотой металлический декор (пуговицы)¹⁴. В отличие от других золотых предметов – кубков, денежных выдач и прочих предметов роскошного быта – она выступала и средством формирования облика ее носителя, и частью этого облика, определенным визуальным кодом, указывающим на особый статус ее обладателя. Такие шубы были драгоценными не только в прямом смысле, но и в переносном, поскольку одновременно служили и олицетворением материальной состоятельности, принадлежности к элитарной культуре, и свидетельством близости к власти.

«Костюм есть наглядная форма человека», – утверждал романист и романтик XIX столетия Теофиль Готье (1858)¹⁵. «История одежды... это просто история человечества», – продолжил диалог спустя столетие, смотря на вопрос еще шире, литератор, искусствовед и историк костюма Рудольф Броби-Йохансен (1968)¹⁶. При таком подходе предмет «мехового» исследования занимает стыковое пространство между политической и социально-экономической историей России, историей ее культуры, культурной антропологией, историей костюма и моды, и имагологией – относительно новым научным направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов.

¹³ Орфинская О. В. Три источника... С. 77. «В комиссионном магазине палеолита... книга расценок занимала бы совсем мало места. В ней была бы записана всего одна вещь: шкура пещерного медведя. Теперь же, чтобы описать и оценить носильные вещи современного человека, требуется том, вмещающий тысячи наименований», – шутит оценщик комиссионного магазина 1960-х годов. См.: Шатров С. М. Нейлоновая шубка. М., 1962. С. 11.

¹⁴ Так былинная Забава Путятишна «надевала шубу соболиную, цена-то шубе три тысячи, а пуговицы – в семь тысяч». См.: Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера: XVI – XIX вв. М., 1974. С. 26. Шуба Б. Ф. Годунова, полученная им от царя Федора Иоанновича «за прогнание крымских татар», из-за золотых пуговиц оценивалась в тысячу рублей. См.: Древности // ЖМНП. 1849. № 63. С. 176.

¹⁵ Gautier Th. De la mode. Цит. по: Fortassier R. Les écrivains français et la mode: de Balzac a nos jours. Paris, 1988. P. 68.

¹⁶ Broby-Johansen R. Body and Clothes. London, 1968. P. 11.

Соответственно, шуба как часть русского национального костюма и как часть культурной истории России является не просто одеждой людей ее населяющих; в гораздо большей степени, чем все прочее вещественное окружение, она представляет символ – но не только определенной культурной группы, но – шире – этноса, нации, эпохи.

«Меховая» тема сегодня практически не изведена – и в мировом¹⁷, и в русскоязычном исследовательском сегменте¹⁸. Настоящее исследование предназначено восполнить данную лакуну. Это ни в коем случае не история фасонов и силуэтов, а история идей – политических, социально-экономических, научных, сопровождающих движение истории русского меха.

¹⁷ Gilligan I. Climate, Clothing, and Agriculture in Prehistory. Linking Evidence, Causes, and Effects. Cambridge, 2019; Gilligan I. Ein Pelzmantel für Homo sapiens («A fur coat for Homo sapiens») // Bild Der Wissenschaft. 2018. № 10 [Электронный ресурс]. www.wissenschaft.de/magazin/bdw-archiv/kraftwerk-gehirn/ (дата обращения 10.02.2022); Faiers J. Fur: A Sensitive History. Yale, 2020.

¹⁸ Здесь пока бытует лишь популярная и научно-популярная литература, музейные каталоги. См.: Васильев А. А. История моды: Меха и мода. Вып. 15. М., 2010; Закомурная Е., Стажкова Е. Мех: история, мода, практические советы. М., 2002; Никишин А. В. Русский мех. Иллюстрированная история. М., 2013; «Шубы, шубки, казакины...»: коллекция верхней одежды из собрания Российского этнографического музея. М., 2012.

Глава 1

До появления шубы: мех в народных представлениях славян и в истории Древней Руси (до XIII века)

Древнейшие меховые одежды. Люди, впадающие в спячку

Древнейшие сообщения о славянах, относящиеся к V – VI векам, связаны с их нападениями на Византийскую империю. Они описывают военный быт, тактику и стратегию, но мало сообщают об их внешнем виде, а также о тех ценностях, которые могли бы стать предметом обмена и торговли¹⁹. В ту бурную эпоху мех северо-восточной Европы еще не представлял большого интереса для богатых южных и западных соседей славянских племен. Стабильной меховой торговле мешали не только бесчисленные войны и передвижения народов, но также отсутствие единой государственной власти, контролирующей природные ресурсы региона.

Нет сомнений, что мех использовался для изготовления одежды первыми славянами и их предками с древнейших времен²⁰. Использовали мех и кочевые соседи праславян: скифы носили куртки и безрукавки из выделанного меха и кожи²¹; из войлока, шкур и шерсти они делали головные уборы себе и своим коням. Скифская элита носила кожаные куртки, подбитые соболем, теплые и удобные для верховой езды²².

Стоит вспомнить, что предки славян за много веков до нашей эры расселились на обширных землях, простиравшихся на север и восток от Карпат²³. Их важнейшим занятием было земледелие, но и охота занимала в жизненном укладе значимое место²⁴. Широко была распространена и добыча пушного зверя. Судя по археологическим данным, в V – IV веках до н. э. предки славян сконцентрировались в районе Среднего Поднепровья, где тесно взаимодействовали с различными скифскими племенами²⁵. В середине V века до н. э. греческий историк Геродот, собирая материал для книги об истории войны с персами, посетил владения скифов в Причерноморье²⁶. Здесь он составил описание местных племен, упомянув среди них особый народ «сколотов», живущих на Днепре и сильно отличающихся от кочевников-скифов. По сведениям Геродота, сколоты занимались охотой и земледелием. Вероятно, эти племена были ближайшими предками славян, во всяком случае, были близки им по своей культуре²⁷.

¹⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 69–79.

²⁰ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. М., 2013. С. 132. Достаточно почитать первые описания народов севера европейской России, составленные в конце XVII века иностранными путешественниками, чтобы увидеть, в каких больших количествах использовали эти племена меха и шкуры. Вот, например, что пишет Корнелий де Бруин о «самоедах»: «Одежда мужчин и женщин одинакова, изготавливаемая из оленьих шкур. Верхнее платье простирается от шеи до колен, и сшито оно шерстью наружу, у женщин – разных цветов, которые украшают кусочками сукна». См.: Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. Рязань, 2010. С. 386–387. В другом месте мы видим описание «самоеда»: «Верхняя одежда его состояла из одного меха, вместе с шапкой, бывшей у него на голове. Он надевал и снимал эту одежду, как бы рубаху, так что из-под нее видно было только одно лицо; рукавицы у него из того же меха привязывались к рукам этой одежды. От этого самоед совершенно казался скорее медведем, чем человеком, когда и само лицо его было закрыто. Сапоги его привязаны были под коленами повязкой. Одежда эта была такая теплая, равно как и печь из моей комнаты...» См.: Расходная книга Патриаршего приказа... С. 390.

²¹ Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 12.

²² Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. М., 2004. С. 62, 124.

²³ Седов В. В. Славяне. Древнерусская народность: историко-археологические исследования. М., 2005. С. 9–38.

²⁴ Греков Б. А. Киевская Русь. М., 1953. С. 35–36; Мавродин В. В. Древнерусское государство. М., 1956. С. 4–5.

²⁵ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979. С. 185–194.

²⁶ Геродот. История. М., 2002. С. 235–302.

²⁷ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 195–239.

Описывая этот народ, Геродот упомянул и живущих по соседству с ними «козлоногих людей», а затем лесное племя, мужчины, женщины и дети которого спят шесть месяцев в году, как впадающие в спячку медведи²⁸. Упоминание «козлоногих людей», может быть, свидетельствует об использовании этими древнейшими народами Европы больших меховых сапог; люди, впадающие в зимнюю спячку, скорее всего, своими действиями имитировали поведение медведя, в чем можно видеть признаки его особого почитания²⁹.

Поклонение медведю в древней Европе было весьма распространенным явлением³⁰. Его корни уходят в первобытную эпоху – время господства охотников и начала одомашнивания скота. Во всех медвежьих культах этот зверь связывался с образом помогающего предка, пра-родителя, сородича, заботящегося о жизни рода и животных, в особенности домашнего скота; частью культа было обрядовое ряжение в его шкуру³¹.

Вызывает интерес и описание Геродотом соседей скифов – невров: «Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно однажды в год на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик»³². По всей вероятности, речь идет об обычае ряжения в шкуру волка для определенных ритуальных действий. Об этом может свидетельствовать сам образ волка в славянской мифологии как существа, способного перенести главного героя в Иной мир³³. Среди славянских племен были известны лютичи, получившие название от табуированного обозначения волка – «лютый».

Таким образом, уже в праславянской культуре прослеживается особенное отношение к одежде из меха. Характерное для многих древних культур, оно будет развито в народных представлениях, о чем более подробно рассказывается в пятой главе.

Мохнатый бог Велес

Почитание медведя в славянском язычестве нашло свое воплощение в культе «ско-тьего бога» Велеса – покровителя домашнего скота, бога торговли и богатства, плодородия и изобильного урожая³⁴. В народной среде этот культ со временем трансформировался, и функцию заботы о скоте взял на себя всякий мелкий пушной зверь, живущий возле человека³⁵.

Древняя традиция дожила как минимум до конца XX века, когда она была зафиксиро-вана этнолингвистическими экспедициями в Полесье. Жители этого края считали покровите-лем домашнего скота живущую рядом с ними ласку, полагая, что это не просто меховой зверек, а дух – покровитель скотины: его нельзя прогонять, напротив, следует всегда заботиться о нем, кормить; смерть ласки непременно приведет к гибели домашнего скота³⁶. Так ласка приняла на себя функции предка-покровителя, мистического защитника дома из Иного мира, помога-

²⁸ Геродот. История. С. 243.

²⁹ Ляпин Д. А. Люди, впадающие в спячку, и меховой фактор в истории Средневековой России // IX Бартеневские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Липецк, 2020. С. 89–92.

³⁰ Гура А. В. Медведь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 1995. С. 211–215; Пятникова Т. Р. Мифы и легенды о сотворении мира хантов Белоярского района // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 146; Седых В. Н. О проявлениях культа медведя в Ярославском Поволжье в эпоху раннего Средневековья // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014. С. 159–170.

³¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 234.

³² Геродот. История. С. 269.

³³ Гура А. В. Волк // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 411–418.

³⁴ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2000. С. 27–28; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1997. С. 143. Рыбаков считает Велеса древнейшим богом славян.

³⁵ Гура А. В. Шкура // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5. М., 2012. С. 580.

³⁶ Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи. М., 2019. С. 165–166, 169, 175.

ющего потомкам. Если ласка начинала «мучить» скот или же в «скотьем» хозяйстве возникали другие трудности, ей приносили в качестве подношения шкуру барана или козла³⁷. В данном случае очевидна устойчивая связь меховой шкуры и достатка – представление, уходящее корнями в глубокую древность и отразившееся в известном античном мифе о золотом руне.

Обрядовая магия, связанная с ряженьем в шкуры, по-видимому, способствовала формированию представлений о том, что одежда из меха сама по себе является признаком благополучия, достатка и благоденствия. Вскоре меха стали играть роль денежного эквивалента, и чем больше у человека меховых изделий – тем, считалось, богаче и счастливее проходит его жизнь. Так постепенно мех принимал на себя роль символа жизненного процветания, плодородия и изобилия.

Представления об особом значении меха закономерно отразились и в русском фольклоре. В одной из сказок, опубликованных А. Н. Афанасьевым, говорится о губителе – страшном Змее и Никите Кожемяке, занимающемся выделкой кож и меха. Именно он взялся победить этого Змея. После чего два персонажа договорились поделить между собой весь мир, проводя огромную межу (Змей впрягся в соху, а Никита принялся пахать)³⁸. Само по себе такое разделение довольно показательно: Змей, как представитель Иного мира, должен жить в своем, а человек в своем, земном мире. Именно Кожемяка становится героем, способным вернуть благоденствие и процветание земному царству. В сказке его способности объясняются тем, что он обладает огромной физической силой, поскольку занимается тяжелым ручным трудом. Это позднее толкование не может быть единственным и убедительным, так как тяжелой работой занимались и другие ремесленники. Не исключено, что способности Никиты как героя-змееборца проявились в связи с необычным, сакральным характером его профессии – выделкой кожи и меха.

Сакральность меха в народной традиции ярко проявлялась во время Святков – праздничного комплекса из двенадцати дней в промежутке от Рождества до Крещения³⁹, имевшего глубокие корни в славянском язычестве и тесно связанного с культом предков⁴⁰. Это время праздничного действа, означавшего наступление важных изменений в природе и жизни. Святочные гуляния были пограничной полосой, знаковым символом перемен⁴¹. Святочные пиршества и гуляния были типичны для культуры народного карнавала с его безудержным весельем, переворачиванием всего «с ног на голову» и ряженьем, в том числе в меховые шкуры. По сути, ряжение означало переодевание в представителей Иного мира и, прежде всего, в духов предков-покровителей, которые, пользуясь временным размыванием сакральных границ, проникали в мир людей. Их появление было ожидаемым и желанным, поскольку они играли положительную роль, связанную с зарождением новой жизни, грядущим приходом тепла и весны, а значит, и началом земледельческих работ⁴². Известные факты об использовании меха в ритуалах указывают на его тесную связь со скотоводческой магией. Центром святочной обрядности был уже известный нам «скотий бог» Велес, покровитель скота и плодородия, которого изображали одетым в большую лохматую медвежью шкуру⁴³.

³⁷ Народная демонология Полесья. С. 169.

³⁸ Никита Кожемяка // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. Т. 1. М., 1958. С. 327–328.

³⁹ Ляпин Д. А. Святочные увеселения (по материалам ГАОО) // Живая старина. 2009. № 3. С. 12–14.

⁴⁰ Веселовский А. Н. Судьба – доля в народных представлениях славян // Веселовский А. Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М., 2009; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. М., 2006. С. 20–21, 25, 27–29; Токарев С. А. Маски и ряженные // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 185–193; Шангина И. И. Русские традиционные праздники. СПб., 2008. С. 17–40.

⁴¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 234, 241–242.

⁴² Ряжение в шкуры всегда появлялось в празднества, связанные с миром мертвых: Масленица, Святки, Троица.

⁴³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. С. 582–583.

Итак, предки славян, а затем и сами славяне на заре своей истории активно использовали мех для совершения ритуала и создания ритуального, а не только бытового, повседневного одеяния. Ритуальная и практическая функции меха и меховой одежды уже тогда были тесно связаны, поскольку любая одежда, помимо своего сугубо функционального назначения,

являлась символом, «языком» культуры, средством коммуникации⁴⁴. Эта связь прочно вошла в народную традицию.

Меховой обмен и меховая торговля

Мы не имеем точных данных о том, что до VIII века меховой товар играл сколько-нибудь важную роль в мировой торговле. Славянские и финно-угорские племена, живущие в лесных районах, добывали пушнину главным образом для собственных нужд; кочевые народы степей юго-восточной Европы предпочитали шкуры домашнего скота⁴⁵.

Торговая история меха начинается, насколько это известно, не ранее VIII века. Социально-экономическая и политическая обстановка в Европе в это время стабилизировалась, значительные миграции народов прекратились, появились новые государства. На ее западе соболь и другие ценные пушные звери считались редкостью, но восток европейского мира оказался весьма богат ими, поскольку здесь не было стабильной централизованной власти, способной организовать постоянный пушной промысел. Жившие на этой территории примерно с V века славянские племена, как уже было отмечено, сами по себе не стремились к развитию торговли. Кроме славян, на этих землях с давних пор проживали малочисленные финно-угорские племена – хозяева густых лесов и болот, еще менее склонные к торговле.

В VIII веке сильнейшим государственным образованием Восточной Европы стал Хазарский каганат, появившийся на Нижней Волге столетием ранее. Он контролировал значительную часть славянских племен Днепра, Дона и Оки. Торговля была важнейшей составляющей в хазарской экономике: по сути, само существование и благополучие Хазарии было связано с контролем торговых путей⁴⁶. Вероятно, хазары взимали дань со славян мехами, которые затем переправлялись на Восток и в страны Европы. Такую же дань славяне платили своим западным соседям – воинственным «русам», о чем мы узнаем из сообщения Ибн Фадлана. Этот арабский путешественник описал свою встречу с русами: сойдя на берег в небольшой пристани, они подходили к заранее установленным здесь деревянным идолам и подносили им привезенный на продажу товар, заклиная, чтобы те послали им богатого и щедрого покупателя. Ибн Фадлан упоминает всего два вида товара: молодых женщин и ценную пушнину, прежде всего соболей⁴⁷.

Первые дошедшие до нас описания славян указывают на то, что они не только обеспечивали мехом народы Востока и Запада, но и сами широко использовали шкуры овец («овчина») и медведей («медвидина»), волков и других лесных животных (куницы, соболя, лисицы, горностая, бобра, выдры и белки) в производстве и отделке одежды и обуви⁴⁸. Базовой формой меховой одежды был козук – верхняя кафтаноподобная одежда на меху, длинная или укороченная. Особенно любимы козуки были среди знати, в том числе среди знати политической и военной.

В летописном свидетельстве под 1252 годом сохранилось описание парадного военного костюма, в котором князь Даниил Галицкий предстал перед своими западными соседями: «Бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златомъ оукрашена [и] иными хитростями, якоже дивитися, козюхъ же оловира Грецького и кроуживы златыми плоскоми ошитъ, и сапозы зеленого хъза, шити золотомъ»⁴⁹. Крайне важно, что кня-

⁴⁴ История тела. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М., 2012. С. 99.

⁴⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 58–59. См. также: Нидерле Л. Быт и культура древних славян. С. 140.

⁴⁶ Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 53; Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 25.

⁴⁷ Путешествие Ибн-Фадлана. С. 488–492. По этим же сведениям, русы предпочитали носить собольи шапки даже летом, по-видимому, считая это признаком достатка и благородства.

⁴⁸ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. С. 162–163.

⁴⁹ Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 122.

жеский кожух (одежда «мехом внутрь») был покрыт византийским оловиром – пурпурным шелком лучшего качества, затканым золотом. В византийской традиции эта материя имела сакральное значение, символизируя верховную власть; можно предположить, что мех и оловир, взятые вместе, усиливали это значение. Так роскошная меховая одежда смогла претендовать на место главного материального атрибута власти⁵⁰.

Ко времени появления Древнерусского государства в IX веке в Восточной Европе уже сложились развитые торговые отношения, в которых соболиный мех и другая ценная пушнина заняли важнейшее место. Но главные торговцы мехом – арабы, русы и хазары – сами не занимались добычей пушного зверя. Его поставщиками были славянские племена, добывавшие мех для своих нужд, платившие дань мехом или же предлагавшие его на обмен⁵¹.

Все это указывает на то, что пушной промысел был типично славянским делом с древности. Не стоит сомневаться в обилии пушного товара в VII – VIII веках: если, по данным Ибн Фадлана, ежегодно «царь славян» приносил дань в виде соболя от каждого дома, то счет здесь может идти на тысячи шкурок в год. Очевидно, что русы брали меховую дань со славянских племен не в меньшем объеме, особенно если принять во внимание данные арабского ученого Ибн Русте, согласно которым русы только и жили тем, что грабили славян. По сведениям географа Ибн Хордадбега, русы платили налог на территории халифата исключительно шкурами зайцев и черных лисиц, привезенными из Восточной Европы. Именно русы возили ценные сорта пушнины на продажу в Константинополь и Багдад, плавали по Дону и Волге с целыми караванами судов, груженных мехами⁵².

Бурное развитие торговли и некоторые другие условия социального плана способствовали формированию двух крупных племенных объединений на Среднем Днепре и в районе Восточного побережья Балтийского моря. Оба этих центра находились на едином транзитном торговом пути между Балтийским и Черным морями, который позднее стал известен как «путь из варяг в греки». Конфликт между ними был неизбежен.

В середине – второй половине IX века оба торговых центра были объединены, что положило начало формированию нового государства – Древнерусского, с первоначальным центром в днепровском Киеве. Нет сомнений в том, что определенную роль в его оформлении сыграло стремление захватить меховую торговлю, хотя это и не являлось ни единственным, ни главнейшим фактором. Вспомним, что, по «Повести временных лет», основатели Киева, «мужи мудры и смышлены», охотились в большом бору на зверей⁵³. Когда же варяги, покорив враждующие племена на севере «славянского» торгового пути, обложили их данью, то брали «от мужа по белой веверице» (то есть белке)⁵⁴. Из того же источника мы знаем, что первые киевские князья собирали дань «по черне куне от дыма», то есть по черной кунице от домовладения⁵⁵. Сбор такой ценной дани однажды вызвал зависть у дружины князя Игоря (княжение Игоря традиционно относится к первой половине X века), в результате чего тот повелел собрать дань заново, за что был жестоко убит восставшими древлянами.

С момента образования Древнерусского государства торговля пушниной оказалась под контролем его правящей элиты. Следуя торговым интересам и увеличивая число данников, со временем древнерусские князья взяли под контроль огромные территории по Днепру, Оке

⁵⁰ Майоров А. В. Греческий оловир Даниила Галицкого: из комментария к Галицко-Волынской летописи // ТОДРЛ. 2014. Т. 62. С. 228.

⁵¹ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1910. С. 221.

⁵² Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 209. См. также: Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М., 2012. С. 46–47.

⁵³ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 359.

⁵⁴ Там же. С. 361.

⁵⁵ Там же. С. 363.

и верховьям Волги. Киев смог оттеснить от богатых пушниной лесов хазар (Хазарский каганат вступил в полосу кризиса после похода киевского князя Святослава в 969 году) и существенно потеснил на востоке Волжскую Булгарию. В XI веке русские князья стали непримиримыми соперниками Булгара в борьбе за мех.

Русские меха поставлялись в Византию по Днепру, через Галицкую землю в Венгрию и Богемию. В свою очередь, через Крым и Каспий «мягкое золото» шло на Восток⁵⁶. Были организованы поставки в Польшу, Чехию, земли Южной Европы и Германии⁵⁷. Поскольку на Руси не добывали золота и серебра, то меха шли в обмен преимущественно на эти драгоценные металлы, а также шелк и пряности. Русские князья посылали их чужеземным владыкам в качестве наиболее ценных даров⁵⁸. Вероятно, в это время – время активной меховой торговли, сложилась традиция брать за единицу счета мехов в сделках «сорбк», имея в виду количество шкурок в одной связке. С этого времени и вплоть до XVIII века ценный мех всегда считали именно так – сорока́ми⁵⁹.

Роль меха для экономики славян была так велика, что многие известные историки считали охоту на пушного зверя их главным занятием на момент образования государственности. Дискуссии по этому поводу тянулись почти столетия: с начала XX века до 1950-х годов, когда археологические данные показали преобладание в славянском хозяйстве земледелия⁶⁰. Конечно, формирование Древнерусского государства как политического института было связано с широкими процессами социально-политического развития, становления единой налоговой системы, религии, армии. Меховой промысел и меховая торговля приносили доход лишь элитарной, незначительной части населения, хотя меха и использовались в роли денежного эквивалента как внутри страны, так и за ее пределами⁶¹.

Наконец, следует помнить, что запасы пушного зверя были вовсе не безграничны, хотя и обширны и не всякий мех ценился одинаково высоко. Как уже отмечалось, в XI веке новгородцы совершали меховые экспедиции на восток: это значит, что леса северо-восточной Руси уже не могли удовлетворить растущие запросы⁶². Трех-четырёх столетий активной эксплуатации ресурса (хазары и русы собирали со славян дань мехами с VII века) оказалось достаточно, чтобы запасы стали истощаться: к XIII веку большинство русских земель не имели возможности бесперебойно снабжать сложившуюся высокоприбыльную систему меховой торговли ценной пушниной. В известной русским Ойкумене промысловый пушной зверь оставался в изобилии только на Кольском полуострове и на северо-восточной окраине Европы.

⁵⁶ Кутепов Н. И. Царская охота с X по XVII век. История охотничьего искусства высочайших особ. М., 2008. С. 30; Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. С. 80–81.

⁵⁷ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. С. 133. Показательно, что в немецком рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (первое десятилетие XIII века) соболиный мех дважды упоминается как элемент убранства кровати и один раз – как часть одежды знатной немецкой дамы. См.: Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 282, 323, 372.

⁵⁸ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. С. 133–134.

⁵⁹ Монетная терминология сохраняла свое «меховое» происхождение весьма долгое время и была вытеснена из обращения лишь вследствие реформ Петра I. См.: Назарова И. А. Страницы истории денежного обращения в России: от серебряной деньги и «меховой» валюты к кредитному рублю // Вестник МИТХТ. Серия: социально-гуманитарные науки и экология. 2015. № 4. С. 111.

⁶⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 38–48.

⁶¹ Их роль в экономике была действительно высока, но и другие русские товары, такие как хлеб, мед, воск, пенька, лен, рабы, также имели свое значение в торговле с соседними народами.

⁶² Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. С. 120.

Культурные основания мехового дресс-кода

Политический распад Древнерусского государства, начавшийся в XI веке, не изменил ситуации на рынке меховой торговли. Напротив, добыча ценного пушного зверя в самостоятельных русских княжествах быстро росла: каждый правитель стремился получить со своей «отчины» максимальный доход. Новгород больше ориентировался на поставки в Европу, а главным центром пушной торговли с Востоком был Киев. Здесь торговая прибыль была особенно велика.

Восточный географ X века Ибн Хаукаль рассказывал, что славяне охотно торгуют на окраине своей страны прекрасными черными соболями и черными лисицами. Он же сообщал, что поставщиками мехов в земли Прикаспийского региона являются русские и волжские болгары⁶³. Еще более интересна следующая информация, оставленная Ибн Хаукалем: «меха выдры, которые вывозятся в разные страны и находятся только в тех северных реках, которые в стране Булгар, Русов и Куябе. Те же меха выдры, которые находятся в Андалусе (Испании. — Б. Ш., Д. Л.), составляют малую часть того, что находится в реках, находящихся в славянских странах. Большая же часть этих мехов и превосходнейшая из них находится в стране Рус, а некоторые высококачественные из страны Яджудж и Маджудж переходят к Русам по соседству их с Яджуджами и Маджуджами и по торговле с ними»⁶⁴.

Этот небольшой отрывок дает представление о том, как сильно были заинтересованы арабские торговцы в русских мехах. Ибн Хаукаль хорошо ориентируется в «меховой» географии и даже сравнивает мех испанских выдр с русскими в пользу последних. Вероятно, под «страной Рус» он понимает земли славян на месте будущего Новгорода, поскольку Куябой историки традиционно считают Киев. Живший в X веке арабский торговец еще не осознавал восточных славян в составе единого государства, используя, вероятно, устаревшие сведения. Так или иначе, важно одно — именно они были главными поставщиками меха для Арабского мира.

В знаменитой средневековой «Песне о Роланде» арабский «король Марсилий» возмещает нанесенное рыцарю оскорбление богатыми дарами — соболиным мехом:

«Граф Ганелон, — сказал послу Марсилий,
— Вы были мной обижены безвинно.
Я дротом вас в сердцах убить грозился.
Дарю за то вас мехом соболиным.
Он мною куплен за пять сотен ливров.
Такой подарок возместит обиду».
«Приму с охотой! — Ганелон воскликнул. — Пусть бог
за это вам воздаст сторицей!»⁶⁵

Но почему же арабы придавали столь большое значение меху? Можно предположить, что он использовался в качестве предмета транзитной торговли со странами Европы, с которыми Арабский мир тогда активно соприкасался. Однако мы знаем, что и сами русские торговали с Европой. Может быть, арабы поставляли русский мех народам Средней Азии, где климатические условия были достаточно суровыми, или сами использовали мех в своих северных путе-

⁶³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей... С. 219, 221.

⁶⁴ Там же. С. 219.

⁶⁵ Песнь о Роланде / Пер. со старофр. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976. С. 42–43.

шествиях. Эти версии, красивые сами по себе, все же не объясняют большую популярность меха у арабов.

Можно предположить, что главное значение меха в средневековом арабском мире было обусловлено строгими запретами исламской морали. Сподвижник центральной фигуры ислама, пророка Мухаммеда, имам Али так говорил ученикам: «пророк взял в левую руку ткань из натурального шелка, а в правую – золото. Поднял обе руки и воскликнул: «Эти две вещи для мужчин из числа моих последователей запретны, а для женщин – разрешены»⁶⁶. В итоге именно мех стал для арабских мужчин признаком богатства и статуса. Очень быстро он завоевал популярность среди элиты – общеизвестно, что любая одежда несет знаковую функцию, является символом положения человека, маркером его социальной принадлежности.

Существует распространенное, но малообоснованное мнение о том, что именно арабы стали производить первую одежду, целиком сделанную из меха. Трудно сказать, насколько достоверно это предположение, ведь мы мало знаем о раннесредневековых арабских профессионалах мехобработки, кроя и шитья. Но нет никаких сомнений, что их русские коллеги этого же исторического периода были хорошо известны. На Руси необработанные шкуры и кожи животных обозначались понятием «скора», а мастер по их обработке был известен как скорняк. Скорняжное дело распространилось здесь уже с IX века, вместе с развитием ремесел и городской культуры, и к XIII столетию русские скорняки – так же как и профессионально близкие к ним усмари, сафьянники, кожемяки и тому подобные – должны были достигнуть большого мастерства.

Как и в ранние периоды русской истории, мех в это время имел важное торгово-экономическое значение. Известная традиция пушной дани превратилась в способ товарообмена: в Древней Руси мехами брали штрафы, платили за проезд, взыскивали торговые пошлины; мех использовался при операциях с недвижимостью. По всей видимости, стоимость меховой шкуры равнялась известной сумме, поскольку при расчетах целая шкура могла делиться на мордки, ушки, лапы⁶⁷.

По-прежнему мех имел не меньшее значение в оформлении элитарного интерьера (прежде всего убранства ложа) и костюма. Так, в «Молении Даниила Заточника», относящемся к концу XII века, упоминаются собольи одеяла князя Ярослава Владимировича: «когда ляжешь на мягких постелях под собольими одеялами, а меня помяни»⁶⁸. Этот предмет роскоши прочно вошел в аристократический быт, закономерно найдя свое отражение в фольклоре. О собольих одеялах упоминает русская народная сказка «Волшебный конь», где прекрасная королева Настасья «разметала во сне покровы богатые»⁶⁹. Большое соболье одеяло мы видим среди богатого убранства ложа из слоновой кости, застланного пуховыми перинами, у молодой супруги богатого новгородского купца в песне из известного сборника народных песен Кириши Данилова⁷⁰.

Очевидно, что использование меха в интерьере (особенно на ложе), как и в костюме (особенно в головном уборе), не было простой случайностью или данью традиции, многие элементы которой имели сакральный смысл. Корни этого представления, конечно же, лежат в языческой истории славян, где головной убор выполнял очень важную функцию – защи-

⁶⁶ Ибн Маджа М. Суан (Свод хадисов). Рияд, 1999. С. 388.

⁶⁷ Скорняжное дело // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 30 (59). СПб., 1900. С. 229–233.

⁶⁸ Моление Даниила Заточника // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986. С. 101.

⁶⁹ Волшебный конь // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. С. 25–29.

⁷⁰ Про гостя Терентиша // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 19. Сам купец («гость») живет в доме, гридница которого увешена шкурами: стены «седыми бобрами», а потолок – черными собольями. См.: Про гостя Терентиша // Древние российские стихотворения... С. 15. Точно так же выглядит и дом богатого киевского боярина Ставра. См.: Про Ставра-боярина // Древние российские стихотворения... С. 71–72. Сборник составлен во второй половине XVIII века, хотя опубликованные в нем песни относятся преимущественно к более раннему времени.

щали волосы, которые, как считалось, обладали особыми магическими свойствами, связанными с плодородием и здоровьем⁷¹. Подобное представление, своими корнями уходящее в глубокую древность, характерно для многих народов⁷².

Головные уборы и одежда древнерусской знати далеко не всегда изготавливались целиком из меха, но часто окантовывались, опоясывались им. Об этом можно судить по изображениям князей, например Святослава Ярославича и его детей (мы также видим, что княжеские дети одеты в своеобразные меховые ожерелья) в «Изборнике» (1073). Аналогичный головной убор, окантованный мехом, присутствует и на иконописных изображениях святых князей (Бориса и Глеба и других). Здесь мех выполнял роль своеобразного оберега. В силу вышесказанного даже легкое летнее княжеское одеяние могло быть насыщено меховыми деталями и меховой отделкой: как мы помним, традиция ношения меховых головных уборов знатно круглый год бытовала еще у русов в VIII – IX веках. И былинский князь Владимир стольнокиевский в более позднем сюжете об Илье Муромце и Соловье-разбойнике носит «кунью шубоньку на одно плечу, шапочку соболю на одно ушко»⁷³. Образ этого богатыря появляется только в XVI веке, когда шуба как особый предмет аристократического гардероба уже выделилась из общего массива верхней меховой одежды; для рассматриваемого в главе периода истории до XIII века этот предмет одежды пока нехарактерен, но более чем показательна манера его ношения.

Востребованность меха и интенсивная добыча промыслового пушного зверя на территории Древнерусского государства, обусловленная растущим спросом, вызвала новый меховой кризис. Особенно быстро был уничтожен соболь – обитатель густого хвойного леса⁷⁴. Вероятно, уже в XI – XII веках его местом обитания стал преимущественно Север, куда и направлялись наиболее предприимчивые добытчики. Так, в «Повести временных лет» в записи под 1096 годом сообщается об экспедиции в Югру слуги (отрока) новгородца Гюряты Роговича: «и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою просяще железа, а аще кто даст им нож ли, секиру, и они дают [соболи, куницу, белку] противу»⁷⁵.

Постепенное сокращение промыслового пушного зверя привело к подорожанию меха, и он продолжал существовать как элемент аристократической культуры. Однако в качестве важнейшего предмета русской торговли мех уже уходил на второй план.

* * *

Итак, с древнейших времен меховые шкуры, задействованные в ритуалах культа медведя и прочих хищных животных, наделялись особым сакральным значением. «Меховые» обряды и ритуалы прочно увязывались с идеей достатка и богатства; со временем аналогичное значение получил и мех сам по себе. Обилие меха в интерьере и в одежде стало признаком бла-

⁷¹ Толстой Н. И., Усачева В. В. Волосы // Славянские древности. Т. 1. С. 420–424; Ляпин Д. А. Путешествия в Прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. Кн. 1. Кемерово, 2014. С. 16–26.

⁷² Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 301.

⁷³ Илья Муромец. М.; Л., 1958. С. 39. Отметим, что это не единственный «шубный» эпизод в истории Ильи Муромца. Однажды князь Владимир одаривает Илью «„шубоцькой-кошулецькой“». Бояре завидовали Илье и оклеветали его, будто он, хмельной, „волочит ету шубку за един рукаф“». См.: Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924. С. 52.

⁷⁴ Нидерле Л. Быт и культура древних славян. С. 33.

⁷⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 107–108. Среди народов Югры охота с древнейших времен занимала важнейшее место и была тесно связана с религиозными представлениями. См.: Ляпин Д. А., Седова О. В. Изображение «птенца-лыжника» на сосуде Шиловского поселения периода бронзы: попытка мифологической интерпретации // Русский сборник. 2019. № 9. С. 86–87. В XIII веке на некоторое время поставщиками меха стали литовские князья: у них еще оставались густые леса, полные ценного пушного зверя. В 1279 году, когда в Литве наступил голод, местные правители обратились к галицкому князю Владимиру с просьбой помочь им хлебом, а за это обещали ему «белок, бобров, черных куниц». См.: Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 375.

гополучия и процветания человека. Популярность меха как сакрального символа и как символа богатства и процветания, житейской состоятельности, в конце концов привела к тому, что верхняя одежда знати почти полностью состояла из меха либо обильно им украшалась. Говоря шире, мех стал важной частью трансформации догосударственной русской материальной культуры в культуру государственную.

Все вышесказанное предвляло появление главного и весьма ценного во многих отношениях символа исторической меховой культуры – русской шубы.

Глава 2

Московская шуба и начало формирования национальной идентичности (XIII – XV века). «Меховые» войны

Москва в борьбе за мех

Киевская государственность стояла на двух китах: на силовом захвате ресурсов и на получении выгод от международной торговли⁷⁶. Со временем оба источника иссякли. Вместе с первым кризисом экстенсивной модели развития, усилением политической раздробленности и монголо-татарским нашествием завершилась история Древнерусского государства.

На фоне общего упадка в начале XIV века наиболее сильным центром русских земель, из числа оказавшихся под властью Золотой Орды, стала Северо-Восточная Русь. Этому способствовала ее отдаленность от опасных соседей, а также местные традиции единой централизованной власти, способной воспользоваться всеми имеющимися ресурсами и адаптироваться к реалиям татарского владычества. Именно здесь князья некогда небольшой Москвы (потомки младшей ветви Владимиро-Суздальских правителей) в первой половине XIV века сумели сделать свой город важнейшим политическим, военным и религиозным центром, победив в противостоянии с Тверским княжеством.

В относительной стабильности развивалась Новгородская земля – торгово-олигархическая республика, более прочих сохранившая контакты с Западом. Земли западной и южной Руси так и не смогли оправиться от кризиса XIII века: они пришли в упадок и со временем оказались в составе нового сильного государства – Великого княжества Литовского, в XIV веке прибавившего к своему названию обозначение Русского. Литовские князья скоро стали главной соперничающей силой Москвы, поскольку считали себя преемниками древнерусских князей по праву силы и владений. В таких условиях московские князья должны были использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы собрать необходимое для развития своих земель состояние. Только правильное использование ресурсов позволяло накопить необходимые средства в условиях постоянной выплаты дани и множества других нерегулярных сборов для Орды⁷⁷. Непрестанный поиск ресурсов и нехватка денег, формирующие привычку копить и экономить, вынужденная хитрость и ловкость в отношениях с ордынскими ханами и принципиальная жесткость с местным населением – все это вырабатывало политические традиции, волей времени ставшие фундаментом для строительства будущего Московского государства.

Очевидно, что среди имеющихся у русских ценных ресурсов мех представлял для татар особую ценность. Итальянский путешественник Плано Карпини, посетивший Русь сразу после монголо-татарского нашествия, стал очевидцем того, как татарский наместник велел каждому, начиная с младенца, платить дань шкурами «белого медведя» (возможно, подразумевая под ним песца или горностая), черного бобра, черного соболя, хорька и лисы⁷⁸.

⁷⁶ Ахиезер А. С., Клямкин И. М., Яковенко И. Г. История России: конец или новое начало? М., 2013. С. 94.

⁷⁷ Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2001. С. 21.

⁷⁸ Там же. С. 8. Богатый купец («гость») Соловей Будемирович плывет в Киев к князю Владимиру на корабле, украшенном, помимо драгоценных камней, «черными соболями якутскими», а также «двумя горностаями зимними», «лисицами бурнастыми» (бурыми) и «медведями белыми». См.: Про Соловья Будимировича // Древние российские стихотворения... С. 9.

С приходом татар их культурное влияние довольно быстро распространилось и на одежду, усилившись в XV веке; оно «оставило след в наименованиях отдельных предметов – кафтан, шуба, сарафан – и более всего затронуло костюм феодальной верхушки общества»⁷⁹.

Московская культура, как известно, вырабатывалась в активном усвоении кочевых культур – при неизменном отрицании их происхождения⁸⁰. Со временем старое русское слово *кожух*, обозначавшее одежду на меху, было заменено словом *тулуп*, которое на тюркском языке буквально значит «кожаный мешок без швов из звериной шкуры»⁸¹. Тулуп быстро набирал популярность, что объясняется его дешевизной, широким распространением и доступностью овец вначале у кочевников-татар, а затем и на Руси. Впрочем, русские шили тулупы и из заячьего меха. Тулуп был одеждой бедняков и только в XVII веке вошел в относительное употребление среди элиты. Вероятно, в начале XIV века в русских землях стал известен кафтан (хафтан) – типичная золотоордынская одежда⁸² длиной до пят, концы рукавов которой заменяли рукавицы или «персчатые рукавицы» – перчатки. Кафтаны получили большое распространение в XV веке (в том числе и с меховой отделкой) и в последующее время бытовали очень широко⁸³.

Пушнина по-прежнему обильно украшала одежды знати, как на Руси, так и на Западе и на Востоке, и, к счастью для русских, она неизменно пользовалась высоким спросом на международном рынке. В XIII веке главным центром пушной торговли с Западом был Новгород. Он же занимал лидирующее место по добыче пушного зверя. Это неудивительно, ведь основная часть лесных массивов, где еще оставался пушной зверь, в это время находилась либо на землях этой торговой республики, либо в районах сбора новгородцами дани. Добыча меха и его выделка стали одним из самых прибыльных занятий местного населения. Кроме того, новгородские купцы вели активную торговлю с находящейся на востоке Пермью – землей, очень богатой ценным зверем, население которой (зыряне) охотно шло на торговый контакт⁸⁴. Важным источником пушнины для предприимчивых жителей Новгорода была Карелия, жители которой регулярно платили меховую дань, хотя в целом оставались враждебны к своим южным соседям. Здесь водилось ценное и редкое животное – белая россомаха. Все чаще в эти края проникали шведские торговцы, вступая в военные конфликты с русскими купцами⁸⁵.

На протяжении всей первой половины XIV века количество ценного пушного зверя в Восточной Европе стремительно сокращалось. Теперь татары охотно принимали мех в виде даров, но требовали выплаты дани серебром. Не случайно Иван Калита, самый успешный из московских князей, запомнился современникам жестокими поборами как со своих подданных, так и с соседних русских земель⁸⁶. Поиски дохода превратились для Москвы в навязчивую

⁷⁹ Русские: Народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М., 1997. С. 184. «„Прививка“ чисто азиатских культурных и цивилизационных черт (от восточного деспотизма – русифицированного „ханата“, крепостного устава – как государственной правовой системы, берущей свое начало от Великой Ясы, баскачества как экономической системы кочевой империи – до „теремного быта“, закрепостившего русскую женщину, образцов кочевнического костюма, соединившегося с формами одежды восточных славян киевского периода и множества слов русского языка тюрко-монгольского происхождения) сделала древнерусскую цивилизацию московского периода последовательно евразийской, одновременно обращенной своими двумя ликами как на Запад, так и на Восток». См.: Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 289.

⁸⁰ Кондаков И. В. Культурология. История культуры России. М., 2003. С. 76–77.

⁸¹ Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 454. Важной деталью тулупа был большой отложной воротник, защищавший от сильного и холодного ветра.

⁸² Орфинская О. В. Размышления на тему влияния Золотой Орды на одежду Руси // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 5. С. 251–268.

⁸³ Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 73; Политковская Е. В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVII веках. М., 2004. С. 57.

⁸⁴ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV – XV веках. М., 1963. С. 48–49, 51.

⁸⁵ Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. С. 119–120.

⁸⁶ Борисов Н. С. Сергей Радонежский. С. 21.

идею, а главным средством его получения была избрана пушнина. Именно пушной промысел стал средством, которое помогало богатеть и развиваться Московскому княжеству.

Желание получить доступ к лесным массивам на севере заставило Ивана Калиту в 1328 году купить Белозерское княжество, что вызвало большое недовольство русских князей, также занимавшихся меховой торговлей. Около 1338 года хан Узбек лишил Ивана белозерского ярлыка, передав его представителю рода местных князей – Роману Михайловичу. Однако здешняя меховая торговля уже надежно контролировалась Калитой, и доступ к местному «мягкому золоту» для Москвы был открыт.

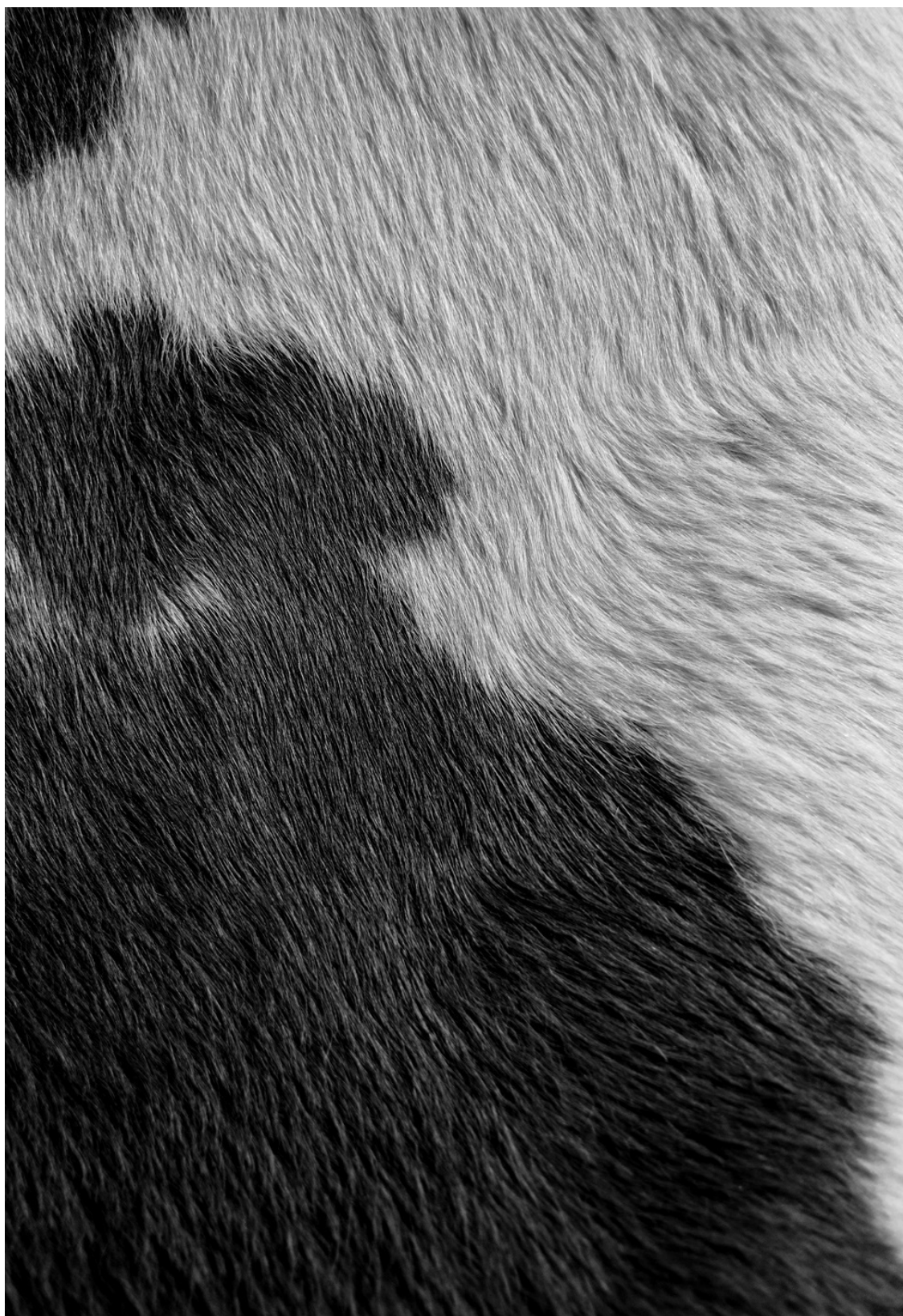
Не меньший интерес для Ивана Даниловича представляло Ростовское княжество, земли которого простирались далеко на северо-восток, охватывая богатые пушным зверем леса. С 1331 года здесь начал править зять Ивана Калиты, во всем ему послушный⁸⁷. Но два региона, пусть даже богатых мехом, уже не могли удовлетворить стремительно растущих аппетитов Москвы. В 1333 году Калита взял под контроль торговлю с Югрой (зырянами), куда одна за одной отправлялись московские меховые экспедиции⁸⁸.

Эти действия вызвали несколько «пушных войн» с Новгородом: московское войско оказалось сильнее своего соперника, и новгородцы были вынуждены отступить, потеряв важный доступ к пермским мехам. В итоге уже в 1340-х годах москвичи полностью захватили соборную торговлю с местными племенами, а новгородцы почти полностью лишились доступа к соболу, торгуя преимущественно белкой⁸⁹. В итоге к середине XIV века Новгород перестал лидировать в добыче пушнины, и основными доходами от реализации «мягкого золота» завладела Москва.

⁸⁷ Виноградов А. Ростовские и Белозерские удельные князья // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. XVII. Романова – Рясковский. Пг., 1918. С. 208.

⁸⁸ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... С. 51.

⁸⁹ Там же.

Главный экспорт «мягкого золота» был направлен в Западную Европу. Немецкий торговый город Ганза взял на себя основную транзитную функцию. Ганза сплотила вокруг себя целый союз городов Северной Европы, получив монопольное право на контроль торговых

потоков⁹⁰. Новгород занимал важное место в Ганзейском союзе, будучи самым восточным его торговым центром; благодаря торговой деятельности Ганзы начался массовый, исчисляемый сотнями тысяч, вывоз русского меха в Европу. Московские князья, контролировавшие пушной промысел и торговлю, ориентировались на вывоз не только через ганзейскую Ригу, но и через старые западнорусские земли, находящиеся теперь под влиянием литовских князей, и через морские порты северного Причерноморья. Через Тану – крупный торговый город в устье Дона – русские товары поставлялись в Геную и Венецию, богатые торговые республики Средиземноморья⁹¹.

Таким образом, к середине XIV века Москва стала центром объединения северо-восточных русских земель, захватив и освоив основные рынки пушной торговли; Новгород отошел на вторую роль. Мех, выступивший важной составляющей в борьбе за самостоятельность экономики развивающегося Московского княжества, можно по праву считать его неофициальным символом.

Пермский мех

В 1359 году Орда вступила в полосу политического кризиса: враждующие группировки местной элиты развязали между собой кровавую войну. Эти события быстро привели к новой расстановке политических сил. Прежде всего, выплата пушной дани была остановлена, но возможностей для реализации меха стало меньше, так как пути на азиатские рынки были теперь небезопасны. Литовские князья, в свою очередь, начали очередную военную экспансию на русские земли.

Настало время, когда Москва должна была перейти к активным военным действиям, накопив достаточно людских и финансовых ресурсов. Ориентация литовской элиты на католическую Польшу и внутренние раздоры в ее среде позволили московским князьям добиться некоторых успехов и, во всяком случае, остановить наступление литовцев. В это же время часть Орды объединилась под контролем ловкого военачальника Мамай, задумавшего вернуть пошатнувшийся авторитет своей степной державы.

Как известно, московский князь Дмитрий Иванович разбил войска Мамай в знаменитом сражении на Куликовом поле (1380). Это, однако, не помешало временному возвышению Орды под руководством нового хана – Тохтамыша. Но и он продержался на ордынском престоле недолго: опрометчиво развязав войну со среднеазиатским правителем Тимуром (Тамерланом), Тохтамыш проиграл два главных сражения (1391, 1395), после чего татарское государство подверглось страшному разорению. Оправиться после этого удара некогда могущественная страна уже не смогла и в первой половине XV века раскололась на несколько враждующих и слабых полукочевых государственных образований.

В это время Европу охватил экономический кризис, вызванный массовой эпидемией чумы. В 1370 году началось падение цен, в том числе и на русские товары, вначале на зерно, мед, воск, а с 1400 года упал спрос и на пушнину (исключая соболиный мех, цены на который оставались высокими)⁹². Упадок спроса на дорогие меха в Европе заставил Москву активнее продвигаться на восток, в поисках ценной пушнины, а также активнее бороться с Литовским княжеством на Западе. Азиатская торговля уже не была достаточно стабильной и надежной, поскольку после распада Орды здесь так и не появилось единого политического центра. Желание найти новые рынки сбыта, по всей видимости, вызвало активность русских купцов,

⁹⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 99–100.

⁹¹ Там же. С. 106, 114–115; Воротынцев Л. В. Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. 2016. № 7. С. 59–73.

⁹² Бродель Ф. Материальная цивилизация... С. 101; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... С. 54.

которая отчасти нашла свое отражение в путешествии Афанасия Никитина (1468–1474)⁹³. Показательны жалобы этого знаменитого русского путешественника на трудности торговли с азиатскими народами.

В условиях военного противостояния с Литвой московские князья начали решительное наступление на немногие оставшиеся независимыми русские земли. Одновременно, стремясь получить доступ к пушнине, Москва увеличивает давление на Пермь. «Житие святого Стефана Пермского», написанное в начале XV века известным агиографом Епифанием Премудрым, знакомит нас с ценными сведениями о «меховой» политике Москвы. Среди описанных им споров пермских жрецов с русскими православными миссионерами было и обвинение последних в жадности и корысти, стремлении нажиться за счет местной пушнины: «Нашею ловлею и ваши князья, и бояре, и вельможи обогащаются суть... Не от нашей ли ловля и в Орду посылаются... до самого того мнимого царя, но и во Царьград, и в Немцы, и в Литву, и в прочия грады, и в страны, и в дальняя языки»⁹⁴. Автор этого текста, как мы видим, очень верно понимал причины бесцеремонного вторжения москвичей в Пермь, прекрасно осознавая значение меховой торговли. Устами языческого жреца он перечисляет целый ряд стран, куда русские поставляли ценный пермский мех. Прежде всего, это Орда, где правил «мнимый царь» (вполне понятный эпитет под пером русского писателя); здесь, вероятно, дала о себе знать память о недавнем прошлом, когда татарская элита получала меха в виде подношений, подарков и дани. Затем упомянуты «Царьград», «Немцы» и «Литва» – традиционные места экспорта пушнины, но страны ближнего Востока в списке не названы. Вероятно, нестабильность в этом регионе уже не позволяла арабским торговцам получать русскую пушнину в достаточном количестве.

Прошло пятьдесят лет, и Пермь была окончательно покорена (1451); затем московский князь Иван III присоединил богатую мехом Вятку (1459). В 1477–1478 годах пришел черед Новгородской республики. Показательно, что именитые новгородские купцы были выселены на старинные земли Москвы, а старинный торговый город заселили уже новые, более надежные в политическом отношении торговцы⁹⁵. Теперь московский правитель не опасался, что осложнения отношений с Литвой, ставшей к тому времени верным союзником Польши, повредят поставке мехов в Европу.

Дальше на Восток!

Размеры владений московского правителя Ивана III к концу XV века существенно выросли; заметно увеличились и сборы в казну, появились новые возможности для борьбы с соперниками. Покорение Перми, Вятки и Новгорода позволило Москве полностью контролировать отечественный пушной промысел и торговлю, получая большую прибыль от вывоза меха.

К первой, самой доступной группе экспортных русских мехов, относился беличий мех, который делился на различные сорта: так называемый «верк» (нем. werk) и производные от него: harwerk, ledderwerk, schonewerk (последнее в переводе с немецкого буквально – прекрасная белка) и прочее. К концу XV века классификация беличьего меха упростилась, по причине того что некоторые ее виды были истреблены, в частности полностью исчезла так называемая «онежская белка». Белка, крайне широко распространенная на Руси и легко доступная для охоты, наряду с воском, была основным русским экспортным товаром вплоть до самого конца XV века.

⁹³ Семенов Л. С. Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 88–107.

⁹⁴ Цит. по: Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. С. 121.

⁹⁵ Там же. С. 152.

Вторую группу составлял более дорогой мех, в следующем, возрастающем по своей ценности порядке: бобр, бобровые брюшки, бобровые шкурки, горностай, ласка и ее выметки, куница, норка, выдра и, наконец, самым дорогим был соболь. Хорошо продавались и отходы от выделки меха, брак, нецельные шкурки, обрывки и обрезки, называемые по-русски «шевицы»⁹⁶. Всякий мех различался и ценился в зависимости от географии добычи: чем севернее был добыт зверь, тем более красивым – и, соответственно, дорогим – считался его мех. Жажда новых денег и стремление к обогащению – традиции, заложенные еще при Иване Калите, – толкали на поиски новых мест пушной добычи.

В таких условиях в конце XV века появилось описание восточных сибирских земель, в историографии получившее название «Сказания о восточных странах» («О человецех незнаемых в восточной стране»)⁹⁷. Оно посвящено народам, полуреальные, полужанровые сведения о которых анонимному автору удалось собрать по рассказам русских купцов и затем систематизировать. «Сказание» должно было не просто удовлетворить любопытство средневекового читателя – книга служила путеводителем для землепроходцев, стремящихся найти новые источники добычи пушнины.

Текст начинается с рассказа о том, что к востоку от Югорской земли, на берегу моря, живут самоеды – удивительный народ, который ест своих умерших. Эти люди одеваются в одежду из собольих шкур, питаются олениной и рыбой. Самоеды хорошо стреляют из луков, очень общительны, «а товар их соболи»⁹⁸. Автор сообщает и о других племенах, живущих далее по морю. Это тоже самоеды, хотя ведут они иной образ жизни и мохнаты от ног до живота (речь идет, конечно, об использовании меха и шкур животных как постоянного элемента одежды), а «торг их соболи да писцы»⁹⁹.

По словам автора, другие народы, живущие на восток по морю, менее общительны и для торговли малопригодны. Среди прочего он утверждает, что зимой они «умирают», но «оживают как солнце на лето повернется» (то есть впадают в спячку)¹⁰⁰. Кстати, это упоминание, так же как и сведения о народе, ноги которого покрыты шерстью, полностью совпадает со сведениями Геродота о племенах, живущих севернее скифов (о чем мы писали в прошлой главе).

Согласно «Сказанию», еще дальше на восток находится «великая река Обь». Здесь нет лесов, а люди живут в землянках. Соболей в этих краях так много, что их употребляют в пищу, а «иного у них зверя никакого нет, опроче соболе»¹⁰¹ (не совсем понятно, как же может выживать этот типичный лесной зверь в условиях безлесья). Само собой разумеется, вся одежда местных жителей сделана сплошь из собольего меха: «платья, рукавицы и ноговицы». Местные соболя очень большие, они имеют особый черный и очень густой мех («черны вельми и велики»), и, как особо подчеркивает автор, когда такой соболь идет, то его мех буквально волочится за ним по земле¹⁰².

В конце «Сказания...» следует рассказ о большом торговом городе-крепости на Оби, куда нельзя войти, но можно оставить рядом всякий товар на обмен. Этого товара лежит здесь очень много, но взять что-либо без замены невозможно: украденная вещь чудесным образом

⁹⁶ Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и в начале XV в. // Исторические записки. Т. 39. М., 1952. С. 266–269; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода... С. 54, 73–77, 81–86. Сведения о сортах русской пушнины XIV – XV веков сохранились благодаря таможенным книгам европейских городов. См.: Там же. С. 94.

⁹⁷ Бобров А. Г. Сказания о восточных странах и Кирилло-Белозерский монастырь // ТОДРЛ. LXVI. СПб., 2019. С. 110–134.

⁹⁸ Там же. С. 123.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 123–124.

¹⁰² Там же. С. 124.

сама появится на прежнем месте¹⁰³. Тут же приводится описание людей, живущих в горах, – «каменских самоедов». Они одеваются исключительно в собольи меха.

Этот древнерусский литературный памятник имел ярко выраженную практическую задачу – направить русского купца и промысловика в его поисках ценной пушнины по верному пути, помочь ему сориентироваться в малознакомых северных местах. Уже в конце XV века в Москве понимали значимость Сибири как источника огромных богатств. Важность промысла ценной сибирской пушнины снова стала актуальной в XVI веке, когда Европа вступила в новую полосу своего экономического подъема, обусловленного притоком золота из Нового Света¹⁰⁴, развитием банков и промышленного производства.

Появление шубы на сцене истории. Шуба как символ нового государства

Образование единого Российского государства совпадает с появлением и распространением самой известной русской одежды из меха – шубы. Считается, что впервые шуба упоминается в завещании Ивана Калиты (1328). Тогда московский князь пожаловал своим детям: Симеону – «червленую шубу с жемчугом и шапку золотую», Ивану – «обеяринную шубу с жемчугом и коц (пояс. – Б. Ш., Д. Л.) великий с бармами», а Андрею – «бугай соболий с наплечниками» (короткую верхнюю безрукавую одежду). Дочери московского князя Мария и Феодосья получили «два кожуха с аламы (металлическими бляхами, украшавшими грудь, плечи и спину. – Б. Ш., Д. Л.), унизанные жемчугом»¹⁰⁵. Правитель передавал наследникам свои княжеские одежды, вдумчиво их распределяя, точно так же как и свои земли¹⁰⁶. Поскольку шуба уже в те годы была материальным атрибутом власти, можно предположить, что и распределение «мехового» наследства властителя имело для современников вполне конкретно понимаемую образную аналогию ритуала передачи власти. Очевидно, здесь в очередной раз проявилось особое восприятие меха как символа достатка и благополучия рода, как знакового атрибута успешной жизни не отдельного человека, но династии.

Происхождение слова «шуба» не вполне ясно (нет сомнения лишь в его восточном происхождении)¹⁰⁷, поскольку оно имеет весьма широкое употребление¹⁰⁸. Распространено мнение, что арабы столь активно использовали русскую пушнину, что в конце концов создали особую меховую одежду «дзубба»¹⁰⁹. В таком виде она попала на Русь, где и получила свое современное название. В разных вариациях оно известно в сербском, хорватском, польском, итальянском и других языках¹¹⁰. Длинное и просторное верхнее одеяние из меха было широко распространено у многих народов, но только в России шуба получила значение особого культурно-знакового символа.

Распространение шубы не могло не сказаться на ономастике русского языка (топонимика Москвы и антропонимика ее населения). Первое свидетельство этого встречается в Софийском временнике под 1368 годом в виде упоминания о военачальнике боярине Иакинфе Федоро-

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация... С. 397–398.

¹⁰⁵ Терещенко А. В. История культуры русского народа. М., 2008. С. 79.

¹⁰⁶ Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 79.

¹⁰⁷ Русские: Народная культура (история и современность). С. 184.

¹⁰⁸ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. М., 2009. С. 167–168.

¹⁰⁹ Политковская Е. В. Как одевались в Москве... С. 84.

¹¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. С. 482. Еще в X веке у венгров существовал вид одежды, называемый *džubba*. См.: Нидерле Л. Быт и культура древних славян. М., 2013. С. 163. Важно отметить, что Н. Я. Аристов, характеризуя пушно-меховой вопрос Древней Руси, называет шубой всякую верхнюю меховую одежду, включая самые ранние ее варианты. См.: Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб.: Тип. Королева и К, 1866. С. 147–148.

виче Шубе и о местечке Шубино¹¹¹. Шуба как вид одежды упоминается в Суздальской грамоте (1382), а затем и в грамоте митрополита Киприана (1395), что указывает на ее распространенность в кругах русской знати во второй половине XIV века¹¹². Именно этот исторический период дал самую раннюю из сохранившихся до настоящего времени русских шуб (предполагается датировка не ранее 1380–1390-х годов). Это длинная (135 сантиметров) нагольная шуба преподобного Кирилла Белозерского, изготовленная из трех овчин хорошей выделки и сшитая, по традиции, мехом внутрь, без подкладки. Шуба застегивается на дюжину узелковых пуговиц и навесных петель из кожаного шнура¹¹³.

Мы помним, что еще до присоединения к Москве новгородцы поставляли в Европу главным образом сырую, то есть невыделанную пушнину. Готовые изделия Новгородом, как правило, не вывозились, хотя, конечно же, изготавливались местными мастерами. В Москве, напротив, много и охотно торговали уже готовыми меховыми изделиями – чем дороже, тем лучше. Именно здесь, по всей видимости, и появилась шуба – дорогая и престижная меховая одежда¹¹⁴.

Неудивительно, что в XV столетии шуба могла претендовать на положение знакового символа молодого государства: само ее появление совпало с формированием национальной идентичности России. В этой связи показательна история, связанная с шубой, пожалованной Иваном III послу германского императора Максимилиана (1490). Имперский посланник получил весьма ценные дары: «цепь золоту со крестом, да шубу атлас с золотом, на горностаеях, да остроги серебряны золочены»¹¹⁵. В этом подарке было много символического. В ту эпоху иноземные посланники воспринимались не просто как представители своей страны и правителя, но как носители воли своего господина. Они могли говорить только от его имени, иными словами – их устами говорил сам властелин¹¹⁶.

В это время соболья шуба принимает на себя главную роль в костюмном комплексе. Русский аристократ уже имеет до десятка и более шуб из разного меха, которые различаются цветами и материалами так называемых «верхов на шубу»¹¹⁷. «Старшие» меха логичным образом сочетались со «старшими» тканями: бархатом и атласом.

Отклики истории о высоком статусе шубы можно найти в былине о чародее-охотнике Вольге, способном ловить «куниц, лисиц, и диких зверей, черных соболей, и белых поскакучих

¹¹¹ Пospelов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999. С. 176.

¹¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 482.

¹¹³ Шуба XIV–XV века. Овчина, шитье. Длина 135 см / Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник [Электронный ресурс]. kirillbelozersky.ru/relics/suba (дата обращения 02.02.2022).

¹¹⁴ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 92. В 1496 году посол Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею требовал компенсировать убытки русского торговца, у которого знатный крымский вельможа купил «четыре шубы белилны да сорок соболей», а деньги в полной мере не выплатил. Шубы оценивались в 17 рублей, а соболя – в 20 рублей, что составляло по тем временам огромную сумму. См.: Посольство от великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею // Сб РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 226. В другой раз посол московского правителя жаловался на грабеж торговых людей, учиненный азовскими татарами: у князя Ивана Кубенского грабители забрали «сороков соболей и горностаев, и горл лисьих и шуб белинных». См.: Посольство от великого князя Ивана Васильевича к кафинскому султану Махмет-Шихзод с Александром Яковлевичем Голохвастовым // Сб РИО. Т. 41. С. 405. Торговца Ивана Михайлова «татарове взяли на поле» и отобрали у него шкуры горностаев, лисиц, а также несколько «шуб белых». См.: Посольство от великого князя Ивана Васильевича к кафинскому султану... С. 406.

¹¹⁵ Шапиро Б. Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI – XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 193.

¹¹⁶ Здесь можно вспомнить знаменитое польское венчание Лжедмитрия I с Мариной Мнишек (1605), когда вместо жениха в церемонии участвовал его посол. См.: Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2013. С. 59–60.

¹¹⁷ Так, в завещании удельной княгини Ульяны Михайловны Холмской (1449–1504) упоминаются «кожух на беличьих чревах» (на беличьих брюшках), две шубы соболями, сизая шубка из «дикого» (серо-голубого) бархата с золотным шитьем и шелком. См.: Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 160–161. Чем более ценится мех, тем на большее количество разнотипных фрагментов (лапы, лбы, черева, душки, хребты, чемры и так далее) делится шкурка. См.: Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 428.

заячков, и малых горностаюшков»¹¹⁸. Царь Турец-Сантал решает пойти на Русь, откуда и привезти жене русскую «шубоньку дорогу»¹¹⁹ (важно, что султан планирует именно приобрести шубу на Руси, а не изготовить ее в своем отечестве из русского меха). Конечно, поздняя обработка былины наполнила древний сюжет реалиями XVI – XVII веков. Однако народная память отразила изначальные представления и о символично-смысловой нагрузке меха, и об интересе к этому исконно русскому товару представителей иноземной культуры. В народном эпосе шуба представлена важнейшим символом достатка русского государства, который так хочет заполучить неприятель. Коварный «Турец-Сантал» планирует не только приобрести шубу, но и разбогатеть (взять девять городов) и продлить свой род (получить девять сынов)¹²⁰. Это не удивительно, ведь в народном сознании шуба ассоциировалась не только с идеей материального достатка и благополучия, но также и – более широко – с идеей династического и всеобщего благоденствия. К концу XV столетия эта сюжетная линия национальной истории уже вполне определилась.

* * *

Итак, мех стал одним из значимых факторов для развития молодого Российского государства, поскольку сыграл важную роль в его формировании. Вспомним упорную борьбу Москвы с Новгородом за меховые регионы, движение москвичей на Урал и их смелые экспедиции к самоедам. Европа нуждалась в статусном русском мехе, а Москва нуждалась в деньгах – и когда была зависима от Орды, и еще больше после того, как превратилась в полновластного лидера, объединившего раздробленные русские земли.

Не только и не столько прагматической, сколько сакрально-смысловой значимостью меха для русской культуры объясняется его место в предметном ряду государственной символики. Одним из главных атрибутов полновластия московских князей в самом конце XV века стала легендарная шапка Мономаха, отороченная соболем. Ее появление, как считается, было связано с традицией московских правителей передачи наиболее ценных предметов одежды по завещанию. Традицию открыл Иван Калита, передавший сыну соболий бугай с наплечниками, меховую шапку и несколько шуб¹²¹. Укреплению традиции способствовали его потомки, вручавшие наследникам шубы, пояса, плащи и головные уборы.

Согласно легенде, так переходила из поколения в поколение и шапка Мономаха¹²². Идеология XV века превратила этот головной убор мурзы, по всей видимости, полученный Москвой во времена татарского ига¹²³, в дар, который якобы завещал император Византийской империи русскому князю Владимиру Мономаху: тем самым властитель «второго Рима» будто бы благословил предка московских князей на самодержавное царство и нарек его Мономахом, государем всей Руси – державного «третьего Рима»¹²⁴. Укрепление традиций сопровождалось соответствующим, пусть даже и вымышленным, «меховым» обрамлением.

¹¹⁸ Вольга // Былины. М., 1986. С. 76.

¹¹⁹ Там же. С. 78.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Кутепов Н. И. Царская охота... С. 32.

¹²² Ее реальное происхождение до сих пор является предметом дискуссий. См.: Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (9). С. 174; Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 151.

¹²³ «Этот курьез имеет глубокий смысл: мифическая и реальная генеалогии могут разительно отличаться», – замечает профессор И. Г. Яковенко. См.: Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М., 2017. С. 84.

¹²⁴ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966. С. 266; Жилина Н. В. Шапка Мономаха: Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 182.

Глава 3

Когда мех был золотом. Шуба как ритуал и символ власти (Московское царство XVI века)

Русский мех глазами европейцев: реальность и мифы

Первая треть XVI века, связанная с правлением Василия III (1505–1533), была временем завершения процесса образования единого Российского государства. Под полным контролем Москвы оказались Псков и Рязань, была укреплена вертикаль власти, продолжила свое развитие московская идеология, развивающая идеи богоизбранности властителя. После смерти Василия III на престол вступила его вдова – Елена Глинская, вскоре умершая (1538); после нее правил ее сын – Иван IV Васильевич (Иван Грозный). Первые годы власти юного самодержца были омрачены противоборством боярских кланов, что привело к ослаблению центральной власти. Однако вскоре у трона стали появляться люди, оказывающие положительное влияние на молодого правителя: они ратовали за укрепление власти и проведение масштабных реформ. Преобразования начались с 1549 года. За два года до этого московский князь принял титул царя всея Руси, получив одобрение вселенских патриархов¹²⁵.

Реформы способствовали скорому развитию московской державы. Был наведен порядок в управлении и судопроизводстве, появилась сильная армия, активно развивалась внешняя и внутренняя торговля. Проведенные реформы и успешные завоевания 1550-х годов (присоединение Казани и Астрахани) способствовали развитию товарного производства, земледелия и ремесел, отраслей, способных со временем превратиться в материальную базу для устойчивого экономического роста. Богатели и росли города, все большую роль играл слой торговцев и ремесленников, которые были заинтересованы уже не в экстенсивном, но в интенсивном развитии.

В 1553 году английский мореплаватель Ричард Ченслер приплыл по Белому морю к Николо-Корельскому монастырю, стоявшему в устье Северной Двины. Считается, что с этого времени начала свое развитие торговля с англичанами и голландцами¹²⁶. Россия все больше втягивалась в общеевропейский контекст, привлекая внимание западных держав. Как и раньше, иностранцев интересовал русский мех, но они не имели представлений о реальных меховых запасах московского властителя. Это создавало условия для появления многочисленных мифов.

В этой связи показательны «Записки о Московии», сделанные австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном, посетившим русскую столицу дважды: в 1517 и 1526 годах. Он попытался не только описать историю и нравы жителей огромной страны на востоке Европы, но также – одним из первых европейцев – дал географическое описание России. Надо полагать, что источниками его сведений были представители двора Василия III и русские торговцы. Самое главное для нас то, что в его работе прослеживается устойчивый интерес к русскому меху. Уже в начале путешествия он замечает густые леса, изобилующие горностаем и белкой. Однако, пишет Герберштейн, обстановка для добычи зверя и пушной торговли здесь не самая

¹²⁵ Карташев А. В. Очерки истории Русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 8–9.

¹²⁶ Их интересовала не столько торговля с Москвой, сколько возможный путь в загадочную и богатую Индию. См.: Таймасова Л. Ю. Зелье для государя. Английский шпионаж в России XVI столетия. М., 2010. С. 188–254.

лучшая из-за постоянных татарских набегов, отчего и сами жители предпочитают заниматься более военным делом, нежели добычей меха¹²⁷.

В следующий раз путешественник упоминает о мехах при описании Северной Руси, рассказывая о торговле в Холопьем городе на реке Волхов. Сюда съезжаются купцы из самых разных стран для безденежного торгового обмена. Жители приносят добытый в местных лесах мех, за который просят предметы быта и одежду. Затем, описывая места за рекой Вологодой, он сообщает, что здесь располагаются обширные болота и очень густые леса, населенные племенами, живущими только охотой. Только здесь встречаются особые черные и пепельные лисицы. Ездить туда опасно¹²⁸.

Описывая Устюжские края и район Северной Двины, Герберштейн замечает, что «собольих мехов там немного, и они не очень высокого качества, но мехов других зверей у них изобилие, в особенности черных лисиц»¹²⁹. По словам знающих людей, продолжает Герберштейн, к северу за Двиной начинаются обширные пустынные места, жители которых платят в Москву дань мехами. Конечно, австрийского барона особенно заинтересовали пространства по Оби, где, если верить его русским информаторам, было особенно много пушного зверя; указанию пути к этим заманчивым местам он посвятил отдельное место в своей книге. Здесь же автор сообщал об уже знакомых нам диких и необщительных «самоедах», живущих в этих суровых краях, где в изобилии водятся соболи, куницы, бобры, горностаи и белки. Далее на восток, сразу за самоедами, находится Югра, «там имеется превеликое множество мехов»¹³⁰. Местный князь давно платит меховую дань в Москву.

Затем по Иртышу живут народы, «умирающие» зимой и «оживающие» весной, будто впадающие в зимнюю спячку (подобная странность уже известна нам из описаний Геродота и «Сказания о восточных странах»). Герберштейн определенно заинтересовался этими подражаниями медведю, отметив, что, «умирая», они оставляют меховой товар для торгового обмена¹³¹. Далее, сообщая о народах и природе Западной Сибири полуреальные-полуфантастические сведения, он замечает, что возле Уральских гор за рекой Печора растут кедры, «около которых водятся самые черные соболи»¹³². Переходя к сведениям о Сибири, австрийский барон указывает на бесчисленное множество в этих краях белок, которые превосходят других своей величиной и красотой¹³³.

Таковы сведения Герберштейна о русских мехах и географии их распространения. Очевидно, что они отражают представления самих русских о «меховых» возможностях известного им мира. Как мы видим, Сибирь уже начинала привлекать внимание охотников-промысловиков, но все же северо-восток России (Печора, Пермь) пока что, безусловно, занимал главное место в добыче меха.

Показательно, что Герберштейн получил от русского царя комплект одежды, в котором главное место заняла объемная соболья шуба с широкими рукавами и большим собольим воротником. Покрытая золотой парчой с голубыми узорами, она застегивалась сверху до середины драгоценными пуговицами; комплект довершали соболья шапка с круглой белой головкой, обшитая красным сукном, и красные сапоги, вышитые золотом и унизанные на носках и запятках драгоценными камнями и жемчугом¹³⁴. Такая одежда из меха и золотных тканей

¹²⁷ Герберштейн С. Великая Московия: Записки о московитских делах; Новокомский П. И. Книга о московитском посольстве. М., 2008. С. 168.

¹²⁸ Там же. С. 185, 187.

¹²⁹ Там же. С. 188.

¹³⁰ Там же. С. 190–191.

¹³¹ Там же. С. 191–192.

¹³² Там же. С. 194. См. также: Ляпин Д. А. Люди, впадающие в спячку... С. 89–92.

¹³³ Герберштейн С. Великая Московия. С. 198.

¹³⁴ Лобойко И. Н. О важнейших изданиях Герберштейна записок о России. СПб., 1818. С. 35.

стала одной из самых ярких составляющих системы материальных атрибутов, которая сложилась вокруг царской власти в России XVI века. Вопреки расхожему мнению, таких шуб при дворе было немного и стоили они очень дорого¹³⁵. Так, «шуба государская соболья, бархат вишневый, плетена золотом, пуговицы серебряные золочены» оценивалась в 8 тысяч московских денег, «шуба бархат бурской шелк червчат да зелен на соболях» из Московского Казенного двора – в 14 тысяч¹³⁶. Главной трудностью в «постройке» такой шубы было крайне малое количество свободного (то есть не назначенного на вывоз) высококачественного меха. Об этом лучше прочего свидетельствует хорошо известная история, когда купец и промышленник Яков Строганов, действуя по царскому распоряжению, «соболей на Москве напытати не могл». А поскольку «на Москве соболей продажных не мог добыти ни у кого», он был вынужден послать на ними «к Вычегде и на Вым и в Пермь» (1573)¹³⁷. Это обстоятельство стало одним из основных стимулов для дальнейшей экспансии русских на восток.

«Попу – куницу, дьякону – лисицу». Социальные категории русской меховой одежды

Активность восточной политики со стороны европейских держав и появление на политической сцене XVI столетия сильного Российского государства способствовали росту интереса иностранцев ко всему русскому, и среди прочего к меху, уже прочно ассоциировавшемуся с далекой холодной страной – Россией. Частью этого интереса стало появление моды на русский костюм. Так, в 1510 году в Вестминстерском дворце состоялся бал-маскарад, где короля Генриха VIII сопровождали два лорда, одетых по-русски: в длиннополые кафтаны, сапоги с загнутыми носами и шапки из «серого меха»¹³⁸.

¹³⁵ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 71.

¹³⁶ Маньков А. Г. Цены и их движение в русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 214. Для сравнения, заячья шуба в это же время стоила 60–190 московских денег, простая белья шуба 200–220 д., лучшего качества – до 1200 д., шуба на белых черевах, покрытая золотным бархатом – 1200 д., примерно столько же стоила простая соболья шуба. См.: Маньков А. Г. Цены и их движение... С. 214–215.

¹³⁷ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. С. 71.

¹³⁸ Таймасова Л. Ю. Зелье для государя. С. 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.